

Аркадий
САХНИН

ОГНЕННЫЕ ТРАКТОРИСТЫ

К. ГРИБОВ.

В. КОТЕШКОВ.

Я РАССКАЖУ историю, полную трагизма и величия, красивую и страшную, как сказка. Историю борьбы, победы и гибели. Гибели, которую нельзя назвать смертью.

«Огненный тракторист!». Эти слова впервые прозвучали с газетных полос тридцать пять лет назад, когда в борьбе за хлеб комсомолец коммуны «Новый путь» Петю Дьякова кулаки облили керосином и подожгли.

Эти слова повторила «Комсомольская правда» шесть лет назад, когда вручали орден Ленина герою борьбы за хлеб на целине Петру Дьякову.

Эти слова «огненные трактористы» я снова прочитал на днях в «Известиях» и поехал в казахские степи, чтобы рассказать их историю. Я расскажу историю борьбы за хлеб.

НЕТ более нежной травы, чем ковыль. Пуховые метелочки ласкают и щекоют. Про степной ковыль поют песни. Те, кто их сложил, должно быть, ничего не знают про степной ковыль. Его семечко похоже на штопор с длинным пушистым хвостиком. Хвостики нежно обволакивают шерсть овцы, а семечки ввинчиваются в тело и убивают животное. Поэтому ковыль называется еще смерть-трава, и не только поэтою. Пуховые метелочки горят быстрее пороха. Не надо спичек. Попадет в сухой козыль тлеющая табачная крошка, и он вспыхнет.

...Пятьдесят километров в длину, пятьдесят в ширину. Это хлеба целинного совхоза московских комсомольцев бывшего Щербаковского района. А дальше—ковыль. Тысячи километров ковыля, сухостоя.

Солнце в казахских степях не греет, а жжет. Три самых жарких месяца не было дождя. Накалялась, трещала земля. Травы стали хрупкими, сморщился шелковый ковыль, потрескался сухостой. Над степью струился раскаленный воздух. А потом ворвался ветер. Он носился, ломая травы, взвивал на большую высоту пережаренные поля, швыряя о землю. Рвал и метал, бросался из стороны в сторону, будто искал, что разрушить,

В двадцати километрах от совхозного поля бездумно бросили на дорогу окурки. Ветер схватил его и швырнул на ковыль. Вспыхнуло пламя и метнулось по бровке вдоль дороги. Помчалось со скоростью курьерского поезда. Издали казалось, будто пролетел трассирующий снаряд, оставляя, как комета, негаснущий след.

И поднялась пятикилометровая огненная стена и, увеличиваясь и нарастая, всей массой ринулась в сторону совхозного поля.

Бригадир Владимир Дмитриевич Котешков объезжал свои владения на легком с резиновым ходом тракторе. Сбор урожая шел к концу. Нескошенным оставался только один участок — около тысячи гектаров. На горизонте увидел огненную стену и рванулся навстречу огню.

На границе участка показался трактор: выпускник Згуринского училища механизации из Молдавии возвращался в полевой стан после пахоты под зябь. Он соскочил, подбежал к плугу, покрутил какую-то рукоятку и резко обернулся на звук приближавшегося трактора Котешкова. Бросился к бригадиру, и Владимир увидел, что это Коля Грибов.

Они перекинулись только двумя фразами, потому что им было

все ясно, и у них были одинаковые мысли. Они не могли уйти с поля боя. Это был их хлеб, и хлеб их товарищей, с которыми они вместе спали и ели, вместе вспахали и взрыхлили каждый клочок тысячеклетными слежавшейся земли и каждую клеточку этой земли удобрили и напоили своим потом. Они очистили каждое зерно, брошенное в землю, и следили за всходами, и радовались, глядя, как наливаются колосья соками жизни, и горевали, когда пило соки из зерен проклятое солнце. И поздними вечерами, покидая поле, не выплескивали куда попало остатки воды из бочки, а бережно поливали ростки. И хотя солнце выжигало пшеницу, урожай их бригады был самым высоким в совхозе и самым высоким среди ближайших совхозов, и это уже было не просто хлебное поле, не просто материальная ценность, а их честь и совесть, гордость целниников, слава Ленинского комсомола, их ответ на призыв Родины.

Вдоль всей границы хлебного поля шла свежеспаханная полоса, которая для того и делалась, чтобы остановить здесь огонь, если вдруг загорится степь. Но они понимали, что такой невиданной силы бушующее пламя перескочит это препятствие. Они решили проложить в ковыле еще одну борозду, параллельную первой, метрах в двадцати от нее. Они также понимали, что огонь все равно переберется через их борозду, но большей силы набрать не успеет и выдохнется на главном препятствии.

Владимир сел на плуг, где было более опасно и ответственно, а Коля—в кабину трактора. Справа от них, километрах в шести, неслось пламя, слева—терзаемая ветром билась о землю пшеница. Они смотрели на надвигавшийся ог-

ненный вал и на двухметровой ширины борозду, остававшуюся позади, и на путь, что предстояло еще сделать, и понимали, что успеют,

До конца хлебного поля трактористам оставалось не больше километра. А дальше все вспахано под зябь. До победы несколько минут. Извиваясь и изгибаясь, нарастал огненный девятый вал, гонимый неистовым ветром, припадая к земле и вздымаясь до уровня телеграфных проводов. Неслась зубчатая гряда то багровая, то белая, то кровавая, и игрушечным казался трактор, на который она надвигалась. Пламя теперь несло косою стеной, и левый его конец был еще далеко, а правый достиг трактористов,

ОНИ самоотверженно сражались, они сделали все, что в их силах, и в эту минуту, когда вплотную подступила смертельная опасность, могли с честью и чистой совестью отступить перед слепой чудовищной стихией. Но так велика была их воля к победе и вера во власть человека над стихией, так страстно было желание обуздать ее и не дать бессмысленно разрушить созданное человеком, что не дрогнули они перед надвигавшимся огненным валом.

Трактористы шли по прямой, параллельно хлебному полю, а огненной вал—под углом к ним, и позади пламя перебрасывалось через их двухметровую борозду и обессиленное падало на втором препятствии,

Владимир отбивался от пламени и видел, как Коля сшибает палкой горящие ключья травы, падавшие на трактор. Огненная стена, подрезаемая их бороздой, быстро укорачивалась. Она не успевала пересечь путь трактору, но все время наступала на него, и все время трактористы соприкасались с огнем!

До вспаханного поля оставалось метров сто, когда огненный сноп упал Владимиру на спину. Он сорвал огонь, но одежда на нем загорелась. Разрывая на себе куртку, Владимир смотрел вперед и понимал, что пламя пережрет путь трактору в каких-нибудь десяти метрах от вспаханного по-

ля и ворвется в эти ворота на пшеницу. Он срывал с себя одежду и отбрасывал новые огненные снопы, и видел, как Коля защищает от огня трактор, тоже готовый вот-вот загореться. А когда Коля обернулся, Владимир что-то закричал, рубая вытянутой рукой воздух, и хотя крик был неслышим, Коля понял мысли бригадира и, круто свернув влево, чтобы не дать огню проскочить перед трактором, повел его на соединение со старой бороздой у вспаханного поля.

Владимир успел сорвать с себя куртку, но горящие брюки разорвать не мог, потому что пальцы сильно обгорели. В трех метрах от конца поля он спрыгнул и, падая, увидел, как трактор пересек старую борозду, окончательно отрезав путь огню, как выскочил, должно быть, ему на помощь Коля и вспыхнул с ног до головы, потому что комбинезон у него был пропитан маслом.

Владимир бросился к нему, а Николай, весь объятый пламенем, бежал на вспаханное поле и рухнул на нем, уже не в силах гасить на себе огонь.

Брюки и белье на Котешкове догорели, и руки от ладоней до плеч были местами обожжены, а местами обуглены, и им не поддавался горящий Колин комбинезон. Тогда он стал обеими руками быстро грести землю на своего друга, и пламя погасло. Но было поздно,

Владимир стоял перед Колей на коленях, смотрел на его лицо и аккуратно стряхивал с него землю. Потом поднялся.

Он посмотрел вдаль и увидел черную степь, черную до самого горизонта, откуда только что катился огненный вал, сраженный им и его теперь уже мертвым другом. Потом обернулся и увидел бескрайнее поле золотой пшеницы, тоже уходящей до самого горизонта.

ВЛАДИМИР стряхнул с головы свою старую армейскую фуражку, у которой сгорел козырек, отшвырнул с ног остатки туфель, и пошел по вспаханной земле к полевому стану. Он шел голый и черный от ожогов, шел под паля-

щими лучами солнца и не чувствовал их.

До полевого стана было четырнадцать километров, и он решил пройти пешком эти четырнадцать километров, потому что в его положении трактор не завести. Он не смотрел, куда идет, но это была его земля, которую знало все его существо, каждая его клетка, и он держал верное направление и, не думая об этом, выбирал самый короткий путь к полевому стану. Так он прошел три километра, и он прошел бы все четырнадцать, но из-за косогора показался комбайн.

Комбайнер Николай Мокан увидел эту странную и страшную фигуру голого, то и дело падающего человека и, пораженный, свернул в сторону, ему наперерез. Подъехав, он соскочил и увидел, что это бригадир, весь обожженный и черный, и бросился к нему:

—« Стой! — закричал Владимир,—широко расставив руки.— Будет больно... Поезжай вот так прямо, там Коля Грибов. Он сгорел... Совсем сгорел.

— Машину пошлем за ним,—взмолился Мокан,—давай скорее в бригаду, — и он приблизился к Владимиру, но тот отстранил его:

—Сам.

Мокан схватил из ящика новую спецовку и ватник, уложил их на площадку, и Владимир сам влез на нее и лег.

Одиннадцать километров шел комбайн на самой большой скорости, и Мокан не спускал глаз с бригадира, боясь, чтобы он не умер.

На полевом стане он тоже не дал к себе прикоснуться, а слез сам и пошел в дом, лег на кровать и сказал, чтобы его смазали подсолнечным маслом. Но тут подъехал на «газике» старший агроном Владимир Иванович Рогов, и он уже не дал командовать Котешкову. Его подняли вместе с матрацем, уложили в машину и отвезли в больницу.

У КОМБАЙНЕРОВ и трактористов не хватало духу идти к Полине Котешковой. Но и скрывать от нее было нельзя. Решили, что пойдет комбайнер Алексей Калинин со своей женой Валей,

Полина стирала белье. Алексей и Валя вошли и остановились на пороге.

—Да что вы какие-то вареные?—рассмеялась Полина, снимая фар-тук. — Проходите.

(Окончание на 2-й стр.)

ОГНЕННЫЕ ТРАКТОРИСТЫ

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Вовка уже был тут как тут, а из открытой двери поглядывала на гостей Леночка, и от этого Алексей совсем разнервничался и начал улыбаться, Улыбка получалась неважная,

Должно быть, есть у женщин какая-то особая интуиция на беду, Полине неоткуда было ждать беды, но она с тревогой посмотрела на виноватое лицо Алексея, машинально стянула с головы косынку, скомкала ее в руках, А он еще еще молчал, и она выдохнула:

— Говори!

Понимаешь, Поля, хлеб загорелся..., Володе руки обожгло, он в больнице...

Губы у нее задержались, она стала поспешно заталкивать косынку в мыльную пену, и, испугавшись, Алексей быстро забормотал:

— Ты не волнуйся, он вполне сознательно разговаривает,

—Почему ж не разговаривать, если только руки! — закричала она на Алексея и бросилась вон из дома,

Она бежала через поселок босиком, в стареньком платье, бежала к рожим хлебам, между которыми вилась узкая дорога. Никто не сообразил, как остановить ее.

Выскачили на крыльцо испуганные Леночка и Вовка. Они не плакали, Может, поэтому их не заметили. Люди смотрели на бегущую Полину, на платье, которое она сшила еще в Москве, в самом лучшем ателье, когда собиралась сюда. Оно было тогда нарядным и модным, а ей только исполнилось девятнадцать, и никакого поселка и хлебов здесь не существовало, и не было этой гигантской телевизионной антенны над их домом, а в непролазной грязи стояло несколько вагончиков и палаток среди бескрайней и дикой целины. И смешно было носить это шикарное и модное платье, и она впервые надела его, когда праздновала целина первую комсомольскую свадьбу в первом

построенном для Владимира и для нее доме.

Полина уже скрылась в хлебах, когда вырвался из гаража вдогонку ей автомобиль главного инженера.

До больницы больше двадцати километров. Несется машина. Катятся пшеничные волны до самого горизонта.

Сухими глазами смотрит на волны Полина, Целина! Сколько горьких и сладких слез пролито здесь! Сколько радости, сколько горя вынесено!.. Горя? Разве то было горе, когда заматало пургой палатки, когда утопали в грязи? Разве то было горе? Вот оно когда подошло! Подстерегло одну ее, подкралось и ударило, подло! За что?

...Казанский вокзал в Москве. Музыка, цветы, юность... Таинственная, манящая целина. Двести пятьдесят четыре человека с комсомольскими путевками Шербаковского райкома. Смех, поцелуи, слезы... Куйбышев, Уфа, Челябинск, Встречи, оркестры, танцы, цветы,

Прошел по вагонам старший: Владимир Котешков. Высокий, сильный, подтянутый. Только что из армии, говорят, полтоннер. Командир полтонного отделения. Серьезный, строгий... Нет. Хороший. Улыбается хорошо, Прошел, не взглянул, Подумаешь, нужен больно...,

Караганда,

Тают остатки снега. Разлилась Нура, Задыхаясь, тащится трактор с одним вагончиком на прицепе. Зарывается в землю. Откапывают, снова тащится... Греются у тоших костров,

—По ко-оням!

Это командует Котешков, Передрогшие лезут в холодный вагончик. Двести километров за трое суток.

Столб и табличка: «Совхоз Шербаковский». Приехали.

Степь. Сырая, холодная, воющая, бесконечная. Без воды, без света. Ни днем, ни ночью не снимают ватников. Надо подальше спрятать это тонкое, модное платье...

Обед, Шумный обед в палатке Веселый остряк кричит через весь длинный стол: «Котешков что это твой конь всегда у второго вагончика стоит?»

Зачем она не смолчала? Сама себя выдала. Как могло у нее вырваться: «Неправда, не только у нашего».

Дружный и долгий смех: «Знает кошка, чье мясо съела». Зарделась, убежала.

Через две недели предложил расписаться.

— С ума сошел! Мы даже не гуляли,

— Так негде же здесь гулять Поленька. Да и человек у нас виден лучше, чем в парке культуры имени Горького. Как на войне виден, Я, например, за тебя ручаюсь. Ты—настоящая.

Захлебнулся в хлебах совхоз «Шербаковский». Возить не перевозить. «Подвиг целинников будет жить в веках». Это Родина сказала. Это про Володю тоже... И. про нее. Вместе им правительственные награды вручали,

Идет в гору Володя. Лучший тракторист. Лучший комбайнер. Лучший механик. Член партийного бюро, Ласковый, добрый. И дети в него, Недаром сына Вовкой назвала...

Счастье... Что же оно такое счастье? Нет, не надо ей никакого счастья, Пусть будет все, как есть...

Она не плачет. Она не плакала всю дорогу. Ну, а куда же деться слезам? Они скапливались и хлынули, когда показалась больница.

Главный врач Раиса Петровна Панкратьева велела выпить капли, сказала: пустит в больницу если сможет Полина не удивляться, не ахать, не вскрикивать, что бы ни увидела. Увидит обожженного человека.

Клятву дала: не покажет виду. Володя был накрыт одеялом поверх каркаса, чтобы оно не прилегало к телу. Лицо обожжено не сильно. Волосы не тронуты. Благодарно, спокойно смотрит на нее Отлегло немного.

—Как же тебя, Володенька?

—Я-то, видишь, ничего, А вот Коля Грибов сгорел. Совсем сгорел.—Повлажнели глаза: — Кольку жалко...,

ТРОЕ суток стоял почетный караул у гроба Коли Грибова. Сменяли друг друга его друзья, комбайнеры и трактористы, целинники, представители ЦК

комсомола Молдавии, Несли почетную вахту руководители совхоза, делегаты Караганды. Стоял у гроба сына прилетевший из Молдавии отец.

Как героя Колю торжественно похоронили на кургане близ совхозного поселка, откуда видны необычные просторы хлебов и весь поселок, и убегающая вдаль дорога.

А за жизнь Владимира Котешкова началась отчаянная борьба. Врач Раиса Петровна Панкратьева еще до окончания института десять лет работала старшей операционной сестрой в Караганде. У нее огромный опыт в области ожогов. Она знала, что делать. Прежде всего преодолеть первый смертельный рубеж: не дать умереть от шока, Надо было знать и умело использовать все новейшие методы в их точной и неукоснительной последовательности, чтобы немедленно, сию же минуту, не дожидаясь консультаций, вывести из шока, И все это было сделано.

Почти ни одну процедуру нельзя было выполнить обычными способами. Как, например, сделать внутривенное вливание? Нашупать, найти вену даже на злой руке не всегда просто. А ошупывать обожженную руку немисливо. И она применяет веносекцию: делает разрез на внутренней поверхности голеностопного сустава, находит вену и делает вливание. Медленно, капля за каплей, вводятся в организм необходимые растворы,

Обработка ран, Но так даже сказать нельзя. Идет обработка одной сплошной на все тело раны. Оно поражено ожогами третьей и четвертой степени на семьдесят процентов, Общее поражение—восемьдесят пять процентов. Только верхняя часть груди до стопы остались нетронутыми.

В пять часов вечера привезли в больницу Котешкова, в шесть часов утра отошли от его постели Раиса Петровна и опытная сестра Эмма Ивановна Кайзер, Попеременно помогли им сестры Валя Трестер и Валя Борисова,

Уже спустя несколько дней, крупнейшие специалисты Ожогового центра Академии медицинских наук СССР отметили исключительную тщательность всех проведенных мероприятий, их необходимость и исчерпывающую полноту,

В тот же день у постели больного был главный врач района Дмитрий Александрович Кулагин. На специальном самолете прилетел из Караганды хирург Петр Михайлович Немынов, Были приняты все профилактические меры: против заражения крови, против столбняка, против пневмонии...

То и дело появлялась дежурная сестра:

— Раиса Петровна! Сорок человек пришли и предлагают кровь для Котешкова,

—Поблагодарите, скажите, есть. ...Камфора, морфий, кофеин, кровь, чай, искусственное питание...

— Раиса Петровна, пришли, предлагают кожу для Котешкова.

—Поблагодарите. Объясните, что при таких ожогах подходит только кожа близнеца пострадавшего.

Круглые сутки дежурят врач и сестра. Целый день у больницы толпятся целинники. Не отходят от больного его друзья: директор совхоза Воробьев, секретарь парторганизации Тапаев, председатель рабочкома Боярский, главный агроном Рогов, То и дело звонят из обкома.

Котешков спокоен. Удивительно спокоен и рассудителен. То ли воля такая нечеловеческая, то ли не понимает, что происходит. Ему больно. Ему, должно быть, нестерпимо больно, но он не жалуется.

В целинной совхозной больнице был отведен первый смертельный удар. Трое суток борьбы сделали возможным эвакуировать больного. Снова появился специальный самолет. Хирург Валентин Петрович Щербак и борт-фельдшер Виктор Василенко сопровождали его до Караганды,

Центральная клиническая больница. Лучшие силы медицины. Консилиум. Летят телеграммы в Москву. Заведующий отделом обкома Устименко звонит в ЦК партии. Секретарь обкома Денисов разговаривает с министром здравоохранения. Кто-то из Москвы спрашивает заведующего облздравотделом Антерейкина:

— Вы разве не врач? Ведь смертельная граница тридцать процентов, а у него семдесят...,

—Я врач. Но это человек необыкновенный, Это непостижимая воля...

Два дня борьбы за жизнь Котешкова в Караганде дали возможность эвакуировать его в Москву.

Аэродром. «ИЛ-18», Это не санитарная машина, но самая надежная. В ней пассажиры. Освободили лучшее отделение, и каждый старался уступить свое место сопровождающим, Для того чтобы постель была совершенно устойчивой, потребовались две доски. Но где взять ночью доски?

— Вон бежит хозяин аэропорта, надо его спросить?

—Доски? Да что же вы смотрите, ломайте из ограды, завтра поправлю.

Милиционер, наблюдавший за порядком, помог выломать доски из новой ограды,

Машина в воздухе, Летит красавец «ИЛ-18» над просторами Родины и несет своего героя. И более пятидесяти человек следят за его полетом, ждут его. В Ожоговом центре сестры и няни готовят отдельную трехместную палату, главные специалисты по хирургии и терапии Министерства здравоохранения Анохин и Кузнецова проверяют, все ли готово к приему, Освобождается посадочная площадка на аэродроме для идущего раньше времени самолета, Ждут профессора, доктора наук, врачи. Собран цвет советской хирургии в области ожогов.

Первый консилиум: главный врач Института хирургии имени Вишневского Сергей Иванович Смеловский, руководитель Ожогового центра профессор Михаил Израилевич Шрайбер, доктор медицинских наук Тигран Моисеевич Дарбинян, кандидаты наук Леонид Иванович Васильев и Борис Львович Гельман, научный сотрудник Станислав Константинович Завьялов,

Второй консилиум, новые специалисты,

Самое передовое, чем располагает мировая хирургия и мировая наука об ожогах, применяется в Котешкову. Каждое утро на специальной врачебной конференции светила советской медицины обсуждали вопрос: состояние Котешкова и дальнейшие меры: борьбы за его жизнь.

Все сделала Родина, что могла Но не достигла еще медицина таких вершин, чтобы дать человеку новый покров на всем теле.

Со всеми воинскими почестями как павшего в бою воина-героя похоронили в Москве на Пятницком кладбище Владимира Дмитриевича Котешкова. Гроб с телом несли директор совхоза, председатель рабочкома, трактористы комбайнеры, представители комсомола столицы.

Целинники вошли с ходатайством о присвоении совхозу имени Героев. Готовятся монумент на месте их гибели и памятники на могилах.

Они жили, как герои, и погибли как коммунисты, и слава о них будет передаваться из уст в уста из поколения в поколение, и кал чудесная сказка о богатырях, как величие эпохи, будет жить в светлом коммунистическом обществе в борьбе за которое они отдали свои жизни.